

Научные комментарии

С. Н. Стебницкий¹Корякский исторический фольклор
и зарождающаяся корякская литература²

Начало искусства слова – в фольклоре.
М. Горький

На I Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. А. М. Горький говорил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание таких крупнейших произведений книжной литературы, как, например, “Фауст”, “Приключения Барона Мюнхгаузена”, “Пантагрюэль и Гаргантюа”, “Тиль Уленшпигель” де Костера, “Освобожденный Прометей” Шелли и многие другие»³

У коряков пока еще нет “Фауста”, “Тили Уленшпигеля”, “Освобожденного Прометея” просто потому, что коряки еще не успели отметить даже десятилетнего юбилея письменности на их родном корякском (нымыланском) языке, но, несмотря на то, что письменность на их языке существует только 8 лет (с 1932 г.), у коряков уже есть первые образцы подлинной литературы <...>. Первые произведения нарождающейся корякской литературы блестяще подтверждают краткую, но богатую содержанием формулу М. Горького: «Начало искусства слова – в фольклоре»⁴.

Корякская литература стала зарождаться почти сразу же после того, как через национальную школу и ликбез письменность проникла в массы кочевников-оленоводов и приморских жителей, рыболовов и охотников на морского и пушного зверя. Можно наметить два пути, приведшие к созданию первых литературных произведений на корякском языке: 1) автобиографический рассказ – воспоминания из детства, описание случаев из жизни (приключения на охоте, на промысле, эпизоды гражданской войны, история организации данной артели, оленеводческого товарищества), 2) запись мифов, сказок, преданий.

Письменность наиболее быстро проникла в среду корякской молодежи, поэтому первые записи, автобиографические и фольклорные, принадлежат перу молодых авторов,

¹ Сергей Николаевич Стебницкий (1906–1941) – исследователь-северовед, лингвист, этнограф, посвятивший свою жизнь изучению языка и культуры коряков. Вдохновенный учитель корякского языка, преподаватель Института народов Севера, наставник Кеца Кеккетына, Ивана Баранникова, Льва Жукова. Благодаря невероятной самоотдаче С. Н. Стебницкого были подготовлены к изданию и изданы первые произведения корякской литературы, созданные его учениками.

² Печатается по изданию [80].

³ Горький М. Доклад на съезде советских писателей 17 августа 1934 г. // О литературе: Сб. статей и речей. М., 1937, стр. 45 (примеч. С. Н. Стебницкого). См. переиздание [81. С. 443, 444].

⁴ Горький М. Заключительная речь на съезде советских писателей 1 сентября 1934 г., стр. 481 (примеч. С. Н. Стебницкого).

преимущественно комсомольцев и комсомолок. Уже в 1933 г. курсанты Корякской национальной советско-партийной школы, организованной на Корякской культбазе (на р. Пенжине, Пенжинский район Корякского национального округа), выпустили два номера журнала «Тойёнатгыйн'этын'»¹ («К новой жизни!»), содержащие 33 записи на корякском языке. Первый номер журнала был рукописным. Второй номер был размножен курсантами на пишущей машинке с национальным шрифтом, самостоятельно проиллюстрирован ими и снабжен фотографиями авторов записей. Записи представляли собою в основном бытовые очерки, частично также предания о предках – о жизни коряков в древние времена. В последующие годы количество таких записей начало неудержимо расти и в настоящее время уже не поддается учету. Некоторые из этих записей по качеству возвысились до короткого рассказа. Частично эти рассказы вошли в 1-ю и 2-ю книги для чтения на корякском (нымыланском) языке «Калэйылн'ыён» чч. I и II². Записи фольклора также изданы, однако лишь в небольшой части³.

Первым образцом корякской письменности, который может быть назван, если не литературным произведением в полном смысле этого слова, то, во всяком случае, произведением письменности, наиболее близко подошедшим к одному из литературных жанров (повести) является сочинение Кецай «Эвн'ыто валъын» («Эвн'ыто-батрак»), написанное в 1934–1935 гг. Этим сочинением перекинут как бы мост от обычной автобиографии к повести. Построено оно не столько на автобиографическом материале, сколько на материале биографии отца, бывшего оленного батрака. Однако мотивы, по которым было написано сочинение «Эвн'ыто батрак», – это отнюдь не те мотивы, которые побуждают к творчеству художника слова, хотя бы даже начинающего. Молодой автор его, Кецай (род. в 1918 г.) в своей автобиографии рассказывает о том, как им была написана первая книжка, следующее: «Приехав в Ленинград, начал учиться в Институте народов Севера на I курсе... Еще в 1934 г., когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили: как правильно писать слова. Одни из нас говорили на диалекте оседлых, а я и Няянов Микуль – на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу какую-нибудь большую записку, чтобы туда вошли все наши слова. Так, летом 1934 г. я составил рассказ о том, как раньше жили оленеводческие батраки. Я назвал этот рассказ «Эвн'ыто батрак». Часть этого рассказа напечатали в газете «Инсомолец». Потом я снова переделал и дополнил

¹ В этой публикации написание корякских слов соответствует орфографии, принятой в 1938 г. [80].

² Последнее издание «Калэйылн'ыён», 1940 г., содержит до 50 рассказов начинающих авторов-националов (здесь и далее в статье, если не указано иное, примеч. С. Н. Стебницкого) [82].

³ Первый сборник под названием «Сауэвенан то ньмы'энеу Ымпыло» / «Чавчувенские и нымыланские (корякские) сказки» был издан в 1934 г. [83], второе изд. в 1936 г. [84].

В 1936 г. в том же издательстве вышел сборник «Ароквајаткенан Ымпыло» («Сказки коряков реки Апуки»), составленный студентом ленинградского Института народов Севера Хэчгятом Нутэвйиным [85, 86].

В 1938 г. выпущен сборник «Лымн'ыло» / «Нымыланские (корякские) сказки» [87].

В настоящее время подготовлен к печати сборник «Амамхотылымн'ыло» / «Сказки об Эмэмкуте», составленный студентом I курса педучилища при Институте народов Севера Иваном Баранниковым [88].

свой рассказ, и его напечатали на нашем языке отдельной книжкой в Государственном издательстве детской литературы при ЦК ВЛКСМ¹. Это была моя первая книжка»².

Таким образом, причиной создания первой корякской повести на первых порах послужило лишь незнание юного студента-первокурсника с техникой составления словарей. Однако, по мере того, как Кецай перерабатывал свою «большую записку», в которую должны были войти «все слова» чавчувенского диалекта корякского (нымыланского) языка, создавая на основе этой «большой записки» повесть о жизни оленного батрака Эвн'ыто, он сам становился начинающим литератором. Свою вторую повесть «Ватхылъын кын'эвчит» («Последняя битва») он пишет, не руководствуясь уже никакими утилитарными соображениями (составление словаря, представление материала по диалекту), а просто поставив себе целью создать литературное произведение.

Работа Кецай над первой и второй повестями увлекла не только самого автора, но также и одного из его товарищей, его однокурсника Льва Жукова (оседлый коряк родом из с. Кахтаны, 1915–1937). Повесть Кецай «Последняя битва» и повесть Льва Жукова «Нотаймэ», названная по имени главного действующего лица, были закончены почти одновременно (в январе – марте 1936 г.). Эти две повести и были первыми произведениями корякской национальной литературы³. Молодых авторов привлекала национальная героика. Поэтому вполне понятно, что обе повести были созданы на основе корякского исторического фольклора.

Корякский фольклор, чрезвычайно богатый по своему содержанию, можно подразделить на три больших раздела: 1) фольклор мифологический, 2) фольклор исторический, 3) фольклор бытовой.

Мифологический фольклор наиболее богат и разнообразен, но при всем разнообразии он представляет собою единый цикл мифов о Вороне-творце, общий для всех палеоазиатских народностей чукотской группы (чук, коряков, ительменов) и свойственный также эскимосам. Бытовой фольклор значительно беднее, он содержит по преимуществу рассказы о хозяине – богатом оленевом и работнике – оленном батраке. Что касается исторического фольклора, то в противоположность мифологическому, он не представляет собою единого цикла. Наоборот, исторические предания разнятся не только в соответствии с подразделением корякской народности на группы (в основном по языковому признаку), но и у более мелких подразделений, например, у коряков, живущих по такой-то реке, в отличие от коряков, расселенных по другой реке, можно отметить существенные различия в преданиях

¹ В 1936 г.

² См. «Автобиографии нымыланов» [47. С. 77].

³ См. мою (С. Н. Стебницкого. – *Сост.*) статью «Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка» [89. С. 286].

Обе повести напечатаны на корякском языке. Повесть Кецай вышла из печати в 1936 г. [2], т. е. еще тогда, когда в корякской письменности употреблялся алфавит, выработанный на основе латинского. <...> Повесть Льва Жукова была издана дважды. Первый раз, также на латинизированном алфавите, в начале 1937 г. Второй раз уже после смерти автора, на новом алфавите, созданном на основе русского, в 1938 г. [90, 91].

исторического фольклора. В них различны, прежде всего, имена главных героев, различны также описываемые события. Исторический фольклор содержит описания войн. В преданиях чавчувенов (коряков-оленеводов) описываются по преимуществу войны коряков с чукчами. В преданиях апукинцев и алюторцев (северо-восточной группы оседлых коряков) – также войны с чукчами, но наряду с ними также и межплеменные войны – войны оседлых коряков с коряками-оленеводами. Среди преданий паланцев (юго-западные оседлые коряки) большое место занимают предания о войнах коряков с эвенками (ламутами). У каждой из групп есть свои предания о войнах с русскими. Однако при всем разнообразии содержания исторических преданий и их героев во всех преданиях коряцкого исторического фольклора, будь то предания о коряцких межплеменных войнах, о чукотско-коряцких войнах, о коряцко-эвенских войнах или о войнах коряков с русскими, можно отметить целый ряд единообразных сюжетных стандартов или отдельных стандартных эпизодов. К таким стандартам относятся, например, следующие:

- 1) обнаружение врагов по дыму, поднимающемуся от разожженного ими костра;
- 2) нападение на спящих врагов;
- 3) обман врагов посредством чучел человеческих фигур (из одежды, набитой соломой, кусками мяса), установленных на видном месте, или просто одежды, развешанной или брошенной на видном месте;
- 4) обман врагов посредством ударов о сухую кожу (или о высушенный плащ-дождевик из кожи) – удары о сухую кожу, сопровождаемые криком, создают впечатление шума, производимого многочисленным отрядом врагов;
- 5) враг, выдающий себя чрезмерно громким храпом.¹

Эти, наиболее характерные, а также и целый ряд других стандартных эпизодов коряцкого исторического фольклора нашли отражение в обеих повестях начинающих коряцких писателей. Обе повести, в сущности, представляют собою переработку и объединение общей сюжетной линией ряда отдельных исторических преданий.

Повесть Кеца «Последняя битва» построена на материале ряда преданий о чукотско-коряцких войнах, преданий, наиболее распространенных среди коряков-оленеводов (чавчувенов), к которым принадлежит автор, родившийся и все свое детство проводивший на стойбище, кочевавшем в районе поселков Аманино – Воямполка Тигильского района Коряцкого национального округа. Центральное место в повести занимает описание подготовки к битве и самой битвы между коряками и чукчами, которая волею автора оказывается последней битвой, предшествующей полному примирению между этими соседствующими и близкородственными друг другу народностями. Но повесть отнюдь нельзя назвать ни собранием, ни даже цепью сюжетно объединенных преданий. Богатое

¹ Такие же стандартные эпизоды значительно более разнообразные по содержанию, чем в историческом фольклоре и гораздо более многочисленные, могут быть отмечены также и в коряцком мифологическом фольклоре. Эти стандартные эпизоды в различных мифах и сказках комбинируются и переплетаются в самых прихотливых сочетаниях. Так, например, эпизод, которым завершается одна сказка, в другой сказке выступает первым по порядку эпизодом, а в какой-нибудь третьей, четвертой и т. д. этому эпизоду предшествует и за ним следуют несколько других эпизодов. Каждая коряцкая сказка обычно представляет собой такую комбинацию нескольких стандартных эпизодов.

воображение автора, широко используя все многообразие и своеобразие исторических преданий, некоторые из них изменило почти до неузнаваемости, а иные восприняло лишь как исходный момент, от которого отталкивается развитие отдельного эпизода, или как канву, на которой прихотливо разворачивается иногда довольно сложный узор повествования, созданный самим автором. В этом можно убедиться на тех примерах из текста повести, которые приводятся ниже.

Повесть Льва Жукова «Нотаймэ» теснее связана со своим источником – историческим фольклором. В этой повести ряд преданий о битвах с русскими казаками, завоевателями Камчатки, искусно вплетен в цикл преданий, повествующих о возникновении поселка Кахтаны (родного поселка автора в Тигильском районе Корякского нац. округа). Главным действующим лицом повести, впоследствии – основателем поселка Кахтаны, является *энхивылъын* (богатырь) Нотаймэ. В повести сначала описываются детские и юношеские подвиги Нотаймэ, далее Нотаймэ выступает как организатор отряда, избавляющего кахтанинских нымыланов (оседлых коряков) от нашествия русских казаков. Нотаймэ первый осваивает стрельбу из ружья. В битве с казаками победа остается за отрядом нымыланов под предводительством Нотаймэ. Гордые победой нымыланы строят неприступное укрепление, которое и является основой выросшего впоследствии вокруг этого укрепления нымыланского села Кахтаны.

Задача настоящей статьи – показать на нескольких примерах, как те или иные мотивы, сюжетные схемы, отдельные стандартные эпизоды, характерные для корякского исторического фольклора, отразились и были претворены в каждом из этих двух первых произведений корякской литературы. Наиболее целесообразно сделать это путем простого сопоставления того или иного исторического предания (или отрывка предания) с соответствующим эпизодом первой или второй повести. К такому сопоставлению я и позволю себе перейти. Тексты (или отрывки из текстов) исторических преданий (в подавляющем большинстве неопубликованных) буду давать в переводе по возможности дословном, так же, как и отрывки из повести Кецай «Последняя битва», опубликованной только на корякском языке без перевода на русский. <...>

Из числа названных выше стандартных сюжетов или эпизодов, характерных для корякского исторического фольклора, одним из наиболее распространенных и вместе с тем своеобразных является эпизод 3-й – «обман врагов посредством человеческих фигур, установленных на видном месте». Этот эпизод мы находим в основе, например, следующих двух небольших преданий (точнее, одного предания и одного из эпизодов второго предания), записанных в 1934 г. бывшим студентом Ленинградского Института народов Севера Хэчгятом Нутэвйиным, родом из с. Апука Олюторского района Корякского национального округа.

1. Оленьи туши

Два оленевода жили при своем табуне. Однажды смотря на тундру, видят – подходит к ним нападающий отряд. Стали думать те, бывшие при табуне. Потом решили:

– А ну-ка, мы их перехитрим.

Нападающие вот уже подкрадываются, прячась за кочки, за кедровник. А те, при табуне бывшие, живо несколько оленей убили. И сказал один из них:

– Пожалуй, спасемся.

Другой быстро насадил большие куски оленьей туши на шесты, как обычно для запекания мяса, а на мясо надел кухлянки. Сами же они вдвоем тотчас убежали на тундру и там спрятались. Из своего прикрытия следят, как наступает нападающий отряд.

Нападающие подкрадываются к тем, одетым в кухлянки. Приблизившись, начали стрелять в них из луков. Никак не могут свалить их. Тогда сказал один из нападающих:

– Да, наверное, мы их уже убили!

Тотчас набросились, посмотрели – а это оленье туши! Что же, долго не видели оленьего мяса, принялись сырьем поедать его.

Пока те поедали, олениводы своих оленей потихоньку отогнали, ушли.

Нападающие все мясо съели. Окончив, назад к себе на морское побережье ушли. А те два оленивода, от врагов избавившись, хорошо стали жить.

II. Пятеро товарищей

(отрывок)

Потом те нападающие приблизились, начали подкрадываться. Один из оставшихся дома вне юрты был. Вдруг сказал:

– Эй, глядите! Что за отряд приближается к нам?

Вошел к товарищам.

– Ну-ка, бежим! Перебьют нас всех, если здесь останемся.

Сразу начали готовиться к бегству. Один из них сказал:

– Живо травой набейте три кухлянки! Сделаем чучела, похожие на людей, пусть подумают: «Мы их убили».

Сделали те чучела и тотчас убежали в горы.

Нападающий отряд подходит. Луки взяли наизготовку. Пленника заставляют вперед идти. Подошли. Окружили юрту. Тогда тому пленнику сказали:

– Ну-ка, разбуди своих товарищей, пусть войдут.

Отдернули покрытие юрты, видят – лежат три человека, спят еще. Пробовали разбудить их, не могли. Тогда один из нападающих разгневался, вбежал в юрту, всадил копье прямо в спящего человека. Тот даже не пошевелился. Посмотрел, копье вытащил – что ж, просто травой набитая кухлянка! Сказал товарищам:

– Эй, товарищи, идите сюда! Ни одного человека нет!

Только травяные чучела сделаны, а люди все ушли, куда – неизвестно.

Пленника спросили:

– Быть может, это ты сделал таких травяных людей?

Сказал:

– Не делал я этих. Право же, я оставил здесь четырех товарищей. Однако, наверное, увидели они нас и убежали в тундру.

Предание «Оленьи туши» и эпизод из предания «Пятеро товарищей» относятся к циклу преданий о межплеменных войнах коряков – войнах между оседлыми приморскими охотниками и кочевниками-олениводами. Вероятно, эти предания сложены олениводами, – слишком уж красноречиво в первом предании описывается жадность, с которой нападающие «долго не видели оленьего мяса, принялись сырьем поедать его».

Эпизод с человеческими чучелами дважды использован в повести Кецай «Последняя битва». Первый раз почти без всякой переработки в 3 главе, где Йолтыгын'ын, старейшина

группы чавчувенов (коряков-оленеводов), желая успокоить своих сородичей, испуганных вестью о приближении врагов (чукоч), рассказывает им предание о богатыре Хэчгынтакъяве.

– Ну же, не бойтесь. Ведь наши предки постоянно так жили. Нас же много... А вот давно жил один чавчувен богатырь Хэчгынтакъяв, – начал рассказывать Йолтыгыйн'ын. – Хэчгынтакъяв жил с женой и было у них двое детей. Однажды без пищи остались они. Сразу муж отправился на охоту за дикими оленями. Осенью это было. Как только он ушел, задождило. Но у него был с собой кожаный плащ-дождевик. Он взял с собой также лук и копье. Уж вечерело, а он ещё ничего не убил. Потом взобрался на гору, где всегда водились горные бараны. Как только туда пришел, сразу догнал и заколол копьем горного барана. Быстро развел огонь для того, чтобы запечь мясо. Кедровым сухостоем развел огонь, а запекать стал баранью грудину. Вдруг посмотрел на кедровую заросль, бывшую слева. Увидел: к нему подходит отряд чукоч, все с копьями. В кедровнике скрылись совсем поблизости. «Вот же! Как быть мне?» – подумал Хэчгынтакъяв.

– Ой! Наверное, убьют беднягу-чавчувена, а жена-то его одна останется с ребятами! – воскликнула одна из слушавших, молодая женщина.

– А вы слушайте, – сказал Йолтыгыйн'ын... – «Живо туда спрячусь! Пусть их сюда придут!» – тихо сказал Хэчгынтакъяв сам себе, – дальше рассказывал Йолтыгыйн'ын.

А слушающие – что с ними? Или оробели сердцем, словно видят, как копьем закалывают Хэчгынтакъява.

– Хэчгынтакъяв поблизости от огневища спрятался и ждет, когда чукчи покажутся. Вдруг мясо, проткнутое палкой, шевельнулось – это попали в него стрелой чукчи. Вскоре опять покачнулось. И еще, однако, не могут они его свалить, потому что насквозь простреливают. Чукчи, наверное, подумали: это верно чавчувен сидит. Потом они подошли к огню и сами над собой посмеялись. Но сразу же принялись поедать мясо.

«Этот, верно, старейший: самый жирный кусок грудины ест», – про себя подумал Хэчгынтакъяв. Сразу на него нацелился из лука и подстрелил чукчу жующего, тотчас же убил его. Начал ударять по кожаному плащу и закричал: «Скопище толстопузых чукоч без остатка перебьем!»

– Чукчи оробели. Наверно, подумали: «Верно, перебьют нас». И все разбежались. Все свое оружие оставили. Хэчгынтакъяв их стрелы подобрал и разбогател стрелами... Так наш чавчувен бесстрашный избавился от толстопузых чукоч, – сказал Йолтыгыйн'ын.

– Чудеса! – все воскликнули слушавшие.

– Вот верно! Нас много, не будем бояться. Теперь послушными старшему будем. Уж коли один чавчувен одолел многих чукоч! – сказал Мэн'н'у радостно.

Потом все замолчали. Не видят друг друга, потому что совсем стемнело.¹

Если не принимать во внимание реплик со стороны слушателей, которыми в двух местах прерывается предание о нападении отряда чукоч на чавчувена (вероятнее всего, таких же, а быть может, тех самых реплик, которые подавались рассказчику предания, когда автор повести сам слушал его), можно считать, что предание включено в повесть почти без всяких изменений. Оно изложено лишь несколько более живым, не таким эпически-бесстрастным

¹ Соответствующий авторский текст Кецай Кеккетына на корякском языке см. в настоящем издании, предл. ПБ.3.8–ПБ.3.56 (примеч. сост.).

языком как язык корякского фольклора, для которого характерны короткие фразы, скупость на всякие подробности (см. ранее приведенные образцы), да в двух-трех местах несколько приукрашено автором повести. Так, например, безусловно самим автором вложены в уста богатыря Хэчгынтакъява слова: «Это, верно, старейший: самый жирный кусок грудины ест». Так мог подумать не богатырь, с луком и стрелами вышедший на охоту, о предводителе встретившегося ему враждебного отряда иноплеменников, а оленный батрак о своем или чужом хозяине — зажиточном оленеводе.

Надо отметить, что в предании, включенном Кецаем в свою повесть, встречается не только непосредственно интересующий нас стандартный эпизод — человеческие чучела, обманывающие врагов, но также и два других из числа упомянутых выше, а именно — первый — обнаружение врагов по дыму от разложенного ими костра (как раз по огню и дыму от костра отряд чукоч находит охотничье становище Хэчгынтакъява); и четвертый — обман врагов посредством ударов о плащ-дождевик из кожи, — именно таким способом Хэчгынтакъяв обращает в бегство чукоч после того, как ему удалось убить их начальника.